

В. Станкевич

Судьбы народов России

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 304
ББК 60.5

В. Станкевич

Судьбы народов России / В. Станкевич – М.: Книга по Требованию, 2011. – 376 с.

ISBN 978-5-458-02032-9

Белоруссия. Украина. Литва. Латвия. Эстония. Армения. Грузия. Азербайджан.
Финляндия. Польша.

ISBN 978-5-458-02032-9

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

могла почерпнуть для себя животворящія силы. Но старая бюрократія не только не поняла этого, болѣе того, она не ограничилась даже простымъ отстраненіемъ инородцевъ отъ участія во власти — она рѣшилась растрачивать и такъ уже недостаточные духовные ресурсы русской государственности на активную, бессмысленную борьбу съ окраинными народами.

Безнадежность этой борьбы была, въ сущности, ясна даже до великаго духовнаго пробужденія всѣхъ народовъ Россіи въ 1905 году. Въ упорной систематической борьбѣ съ политической, правовой и культурной самобытностью Финляндіи, въ «располячиваніи» Польши, въ запрещеніи литовской, украинской и бѣлорусской письменности были неоднократно перейдены незыблемыя грани примитивнѣйшаго культурнаго общежитія и правопорядка — но къ обрусѣнію это не приводило. Это создало кучу историческихъ, болѣе или менѣе забавныхъ, анекдотовъ, въ родѣ страхованія финскихъ газетъ отъ цензурныхъ бѣдствій, исполненія въ Кіевѣ украинскихъ пѣсенъ на французскомъ языкѣ, печатанія научно-популярныхъ брошюръ въ беллетристической формѣ и пр. и пр. Это искажало весь историческій смыслъ Россіи, и если накануне послѣдней турецкой войны за «освобожденіе» славянъ на Балканахъ власть запрещала огуломъ всю украинскую письменность у себя дома, то украинцы имѣли право говорить, что прежде, чѣмъ освободить отъ «турокъ внѣшнихъ», необходимо самимъ освободиться отъ «турокъ внутреннихъ». . . Національный гнетъ приводилъ къ катастрофическому пониженію культуры руссифицируемыхъ областей: Польша, Литва, Украина, не имѣющія возможности учить дѣтей въ соотвѣтствіи съ окружающей народной стихіей, показали паденіе или значительную отсталость примитивной грамоты, не говоря о высшихъ формахъ просвѣщенія¹⁾. Тутъ уже была большая потеря

¹⁾ Въ 1828 году въ Польшѣ было больше училищъ сравнительно съ числомъ населенія, чѣмъ въ 1900 году!

въ духовныхъ богатствахъ всего государства. Но еще бѣдшая потеря была въ томъ, что живой, творящій духъ народовъ былъ растроченъ на борьбу съ мелочными придирками, приниженъ въ вынужденномъ подпольномъ существованіи, сдѣлался подозрительнымъ, ненавидящимъ, недоувѣрчивымъ. Самое сильное, стойкое, упорное и цѣнное — вмѣсто работы на благо страны — ушло за предѣлы Россіи. Всѣ народы, во имя своихъ святѣйшихъ интересовъ, вынуждены были создать свои «Пьемонты» за рубежомъ Россіи. Духовный огонь Польши горѣлъ въ австрійскомъ Краковѣ, украинцы жили своимъ Львовомъ, литовцы печатали книги и закладывали фундаментъ національнаго пробужденія въ Восточной Пруссіи, Финляндія имѣла свои очаги въ Швеціи.

Это не было сепаратизмомъ, это было жизненной и технической необходимостью. При первой возможности всѣ готовы были перенести свои національные ковчеги въ Россію. Ждали этой возможности, тѣшили себя несбыточными мечтами, создавали наивныя иллюзіи... Одной изъ такихъ иллюзій была вѣра въ Николая II при его вступленіи на тронъ. И пылкая Варшава и холодная Финляндія съ восторженной вѣрой встрѣтили воцареніе молодого монарха, во всемъ выискивая признаки долгожданной переменны политическаго курса власти. Но Бобриковъ и манифестъ 1899 года въ Финляндіи, Чертковъ въ Царствѣ Польскомъ явились достаточно яркимъ доказательствомъ, что надежды напрасны, все остается по-старому, для соглашенія, «угоды» никакихъ предпосылокъ нѣтъ.

2. 1905 годъ.

1905 годъ далъ новую пищу иллюзіямъ. Возстановленіе конституціи въ Финляндіи, отмѣна законовъ о воспрепещеніи литовской, украинской, бѣлорусской письменности, нѣкоторыя облегченія въ Польшѣ, возможность организаціи обществъ и союзовъ, открытое существова-

ніе партій — дали возможность говорить о рѣшительномъ переломѣ въ политикѣ власти. Свободно сформулированныя національныя программы нигдѣ не шли дальше автономіи, которая, въ конечномъ счетѣ, сводилась не столько къ національному, сколько къ культурно-хозяйственному моменту, была протестомъ не только противъ націоналистической политики, но и противъ гнетущей централизаціи управленія страной. Это не было стремленіемъ къ разложенію, къ отпаденію отъ Россіи, а лишь необходимымъ шагомъ къ перестройкѣ всего устарѣвшаго аппарата власти. Націи заботились не о томъ, чтобы выхватить себѣ отъ Россіи ту или иную долю свободы, но о томъ, чтобы реформировать всю Россію, перестроить ее. Въ требованіяхъ украинцевъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ и даже отчасти, хотя и въ меньшей степени, поляковъ и финновъ звучитъ не только забота о себѣ, но и обо всемъ государствѣ въ его цѣломъ. Конечная цѣль — перестройка Россіи на федеративныхъ основаніяхъ, ближайшая задача — автономія всѣхъ входящихъ въ Россію частей. И здѣсь голоса «инородцевъ», добивавшихся національно-территоріальной автономіи, нераздѣльно сливались съ аналогичными требованіями великороссовъ-областниковъ: жалобы, напримѣръ, сибиряковъ на гнетъ, несправедливость и неумѣлость центральной власти мало чѣмъ отличаются отъ соответствующихъ заявленій западныхъ окраинъ Россіи. Не ослабленіе, а наоборотъ, усиленіе Россіи было мотивомъ этихъ требованій. Такъ это было понято и учтено даже историческими противниками Россіи — вспомнимъ, тревогу которую испытали въ Австріи при извѣстіи, что Грушевскій появился въ украинской фракціи первой Государственной Думы, или безпокойство Берлина при слухахъ о введеніи автономіи въ Царствѣ Польскомъ.

3. Столыпинскій націонализмъ.

«Ликвидация дней свободы», послѣ акта 3-го іюня принесла крутой поворотъ и въ области національной политики. Это не было даже простымъ возвращеніемъ къ старому. До Столыпина обрусительная политика, въ конечномъ счетѣ, не была сознательнымъ планомъ, системой. Часто это было только самодурствомъ, часто, лишь проявленіемъ лѣни вникать въ сложность мѣстной народной жизни, и годы особенно суроваго гнета смѣнялись годами «передышки» — сравнительная милость и благоволеніе смѣняли суровость и гнетъ. Въ конституціонное же время націонализмъ явился, какъ стройная идеологическая основа всей проводимой политики, однимъ изъ главныхъ устоевъ «ставки на сильнаго», необходимая предпосылка «Великой Россіи» въ ново-бюрократическомъ ея пониманіи. Конечно, несоразмѣрность поставленной политической задачи съ силами государственной власти привела къ тому, что политика подавленія народностей проводилась не всегда послѣдовательно. Но не было ни одной національности, которая не испытала бы оскорбленій отъ новой системы правительственной власти. Поляки были объявлены гражданами второго разряда при значительномъ сокращеніи ихъ представительства въ Государственной Думѣ, и ихъ наискромнѣйшія чаянія — школьный законопроектъ — не получили никакого движенія. Финляндской конституціи былъ нанесенъ потрясающій ударъ. Украинское національное культурное движеніе было объявлено «несоотвѣтствующимъ русскимъ государственнымъ задачамъ» (циркуляръ Столыпина отъ 10-го января 1910 г.): Литва и Прибалтійскій Край усиленно руссифицировались при помощи колонизаціи.

Этотъ твердый, рѣшительный, неуклонной волей направляемый правительственный курсъ внушалъ тѣмъ большую тревогу, что правительство дѣйствовало не

одинокъ Въ прежнее время угнетенныя народности могли связывать свои обиды только съ политикой правительства, только съ тѣми худшими элементами и предствителями чиновничества, которые наводняли окраины. Теперь же они могли воочию убѣдиться, что правительство находитъ опору въ весьма широкихъ и вліятельныхъ кругахъ русской общественности. Громадное большинство Думы высказывалось за всѣ обрусительныя предложенія власти. И какъ разъ буржуазные, умѣренные элементы другихъ странъ, болѣе всего готовые идти на примиреніе, на соглашеніе съ русской правительственной властью, должны были особенно болѣзненно чувствовать такое отношеніе къ національнымъ вопросамъ со стороны созвучныхъ имъ по социальнымъ интересамъ буржуазныхъ классовъ Россіи. Но и въ демократическихъ, либеральныхъ кругахъ общественности политика правительства не всегда встрѣчала достаточный протестъ. Призывы П. Б. Струве къ беспощадной идейной борьбѣ съ украинствомъ звучали предостерегающе для тѣхъ, кто хотѣлъ бы связывать національныя надежды съ побѣдами русской общественности. Позиція Родичева и Милюкова въ Государственной Думѣ по отношенію къ украинцамъ — «освободите, и ихъ не будетъ» — тоже казалась отзвукомъ модернизированнаго націонализма. Партія к.-д. сумѣла довести дѣло до открытаго разрыва съ польскимъ коломъ. Между тѣмъ, руководящіе круги Польши и Финляндіи, въ силу своихъ классовыхъ симпатій, мало были склонны связывать какія бы то ни было надежды съ ростомъ вліянія болѣе лѣвой части русской общественности, видя въ ней только проявленіе пугающаго ихъ и безпокоющаго анархизма.

Русскимъ трудно даже понять тѣ острые чувства, которыя вызывалъ новый курсъ правительственной власти. Были поставлены подъ ударъ историческія традиціи, духовныя цѣнности, и грубо оскорблялись права личности, любовь къ своему родному языку, привязанность

къ своей духовной стихіи. Съ крайней остротой сказывались и чисто экономическія послѣдствія. Для борьбы за экономическое процвѣтаніе нуженъ подъемъ культуры, нужно распространеніе знанія, нужна хотя бы примитивная грамотность. Но это благо было недоступно для поляковъ, украинцевъ, литовцевъ. Русская школа, съ насильственнымъ и противоестественнымъ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, или приводила къ полному опустѣнію школъ или не давала никакихъ результатовъ, такъ какъ поверхностное знаніе русской грамоты улетучивалось въ стихіи другого языка, къ которому школа безуспѣшно пыталась внушить пренебреженіе, какъ къ языку низшаго сорта¹⁾. Частная инициатива? — Но судьба польской матицы показала, что широкое развитіе частной инициативы допущено не будетъ. Оставался послѣдній путь — негласное, подпольное обученіе. И если для русскаго сравненіе производительности десятины земли за-границей и въ Россіи ставило на очередь лишь задачу бѣльшаго распространенія знаній, то полякъ, литовець, украинецъ при этомъ сжималъ зубы, понимая, сколько препятствій съ перваго шага онъ встрѣтитъ со стороны руссифицирующей политики власти.

Кромѣ того, естественнымъ послѣдствіемъ націоналистической политики явилась необходимость придержи-ваться прежней централизаціи правительственнаго аппарата, не выдерживающаго никакой критики съ хозяй-

¹⁾ О значеніи русской школы на окраинахъ можно судить по даннымъ относительно губерній сѣверо-западнаго края, гдѣ число грамотныхъ обратно-пропорціонально числу учащихся въ школахъ. Въ 1911 году число дѣтей школьнаго возраста (9—11 лѣтъ), посѣщающихъ школу, было на 1.000 жителей въ Могилевской губ. 52, въ Гродненской — 44, въ Виленской — 28, въ Ковенской — 18, а процентъ грамотныхъ въ Могилевской губ. 17,0, въ Гродненской — 29,1, въ Виленской — 29,3, въ Ковенской — 42,1. Цифры эти показываютъ, что въ губерніяхъ, гдѣ населеніе сумѣло организовать и ввести въ повседневный бытъ домашнюю нелегальную школу, процентъ грамотности сравнительно высокъ, тамъ же, гдѣ населеніе довольствовалось правительственной школой, грамотность падаетъ поистинѣ катастрофически.

ственно-дѣловой точки зрѣнія. Даже земства не могли быть распространены на наиболѣе важныя области государства. И слабая, бездарная, необразованная и даже невоспитанная петербургская бюрократія вынуждена была беспомощно барахтаться въ небывалой и невыполнимой задачѣ — управлять изъ одного центра 150-ти миллионнымъ человѣческимъ образованіемъ, раскинувшимся по $\frac{1}{6}$ части суши всего міра. Тяжелыя финансовыя, экономическія и культурныя послѣдствія этого сказывались съ особенной силой тамъ, гдѣ рядомъ находились цвѣтуція области Германіи, гдѣ западная культура непосредственно сталкивалась съ Россіей и глохла подъ воздѣйствіемъ неумѣлаго, громоздкаго, допотопнаго бюрократическаго механизма.

Однако, стихійное довѣріе къ Россіи сдерживало негодованіе. Идея иной Россіи, служащей не только кучкѣ чиновниковъ, а всему цѣлому, Россіи свободной и въ свободѣ могучей, — оставалась и живой и дѣйственной. Дальше требованій автономіи общественные дѣятели Польши, Украины, Литвы и др. странъ не шли. Но выдержка питалась и тѣми соображеніями, что отторженіе отъ Россіи, не говоря объ опасности и нежелательности по экономическимъ и политическимъ соображеніямъ, было просто невозможно. Это былъ уже только трезвый расчетъ, настолько трезвый, что, не выставляя лозунга отдѣленія отъ Россіи, украинцы въ своей программѣ признавали нежелательнымъ соединеніе съ Россіей Галиціи, такъ какъ тогда исчезла бы возможность имѣть зарубежный очагъ украинской культуры, безопасный отъ самодурства русской администраціи. Куда бы дѣлось тогда «Общество имени Шевченко», основанное украинскими патріотами, перекочевавшими подъ вліяніемъ репрессій изъ Кіева во Львовъ? Да, и поляки не остались бы, пожалуй, довольными безусловнымъ присоединеніемъ къ Царству Польскому Кракова съ его національными хранилищами. Литовцы тоже поколебались бы дать согласіе на присо-

единеніе литовскаго уголка Восточной Пруссіи — вѣдь не было никакихъ гарантій, что запрещеніе литовскаго шрифта или другая тому подобная мѣра опять не явится на сцену, и культурная жизнь литовскаго народа должна будетъ организовываться въ порядкѣ широкой и плано-мѣрной контрабанды.

4. Война.

Начавшаяся война поставила всѣ вопросы въ новомъ трагическомъ освѣщеніи. Стихійная вѣра въ Россію на первыхъ порахъ побѣдила недоувѣріе къ правящимъ кругамъ. Предчувствіе грозныхъ измѣненій въ судьбахъ всѣхъ народовъ заставило ихъ тѣснѣе прижаться къ общему единству. Первые слова власти способствовали этому. Но за рубежомъ война была принята иначе, и суровымъ приговоромъ всей системѣ русской власти явилось то, что въ Царство Польское вошли польскіе легіоны, организованные подъ сѣнью Австріи, что среди плѣнныхъ украинцевъ противникъ находилъ готовую почву для пропаганды. Довѣрія къ Россіи хватило на первый подъемъ. Но его оказалось недостаточно для величайшаго и длительного напряженія всѣхъ народныхъ силъ. Работа Бобринскихъ въ Галиціи, неопредѣленность и отмалчиванія по отношенію къ полякамъ, упорное игнорированіе требованій литовцевъ, преслѣдованіе украинской печати — все это далеко не способствовало созданію того длительного энтузіазма, который единственно позволилъ бы Россіи справиться съ трудностями организациі небывалой борьбы, который превратилъ бы въ дѣйствительную силу тѣ колоссальныя возможности, которыми Россія обладала. Официальныя заявленія объ освободительныхъ дѣлахъ войны казались ироніей на фонѣ пренебреженія къ самымъ основнымъ и священнымъ правамъ націй внутри Россіи.

И для русскаго народа, для массъ, развращенныхъ политикой власти, подлинный ликъ Россіи, освѣщенный

войной, явился неожиданнымъ и незнакомымъ. Поляки, которые въ официальной исторіи и всей политикой правительства неизмѣнно выставлялись въ качествѣ тайныхъ и явныхъ враговъ Россіи, вдругъ оказались «братьями-поляками». Поля сраженія въ предѣлахъ Россійскаго государства оказались украинскими, польскими, литовскими, латышскими, армянскими... Защищая Литву, Польшу, Латвію, солдатъ невольно думалъ, нужно ли это Россіи, съ именемъ которой онъ привыкъ связывать представление объ однообразной странѣ. У прощенное официальное пониманіе Россіи оказалось недостаточнымъ, не покрывающимъ историческаго существа борьбы за Россію. Въ бояхъ подъ Варшавой, подъ Вильной, подъ Митавой идея подлинной Россіи, связующей и свободно объединяющей всѣ ея народы, стала витать надъ русской арміей. Но неизмѣнность правительственнаго курса не дала этой идеѣ развиться со всей необходимой полнотой и яркостью. И русскій солдатъ, убѣдившись въ ложности прежняго представления о Россіи и не обрѣтя новаго, совершенно потерялъ идею борьбы. Онъ просто пересталъ быть «русскимъ», превратился въ «вятича» и «курянина». И, вмѣстѣ съ этимъ превращеніемъ, война для него была окончена.

Не было воли. Армія росла количественно, но все понижалась качественно, пока, наконецъ, пораженія, созданныя бездарностью русской власти и русскаго военнаго командованія, не привели армию къ возстанію, и власть перешла въ руки русской общественности.

5. Революція. Національный максимализмъ.

Въ невыразимо тяжелыхъ условіяхъ народнаго возстанія и военнаго развала Россіи суждено было видѣть послѣднюю вспышку довѣрія къ ней со стороны связанныхъ общей судьбой народовъ. Украинцами былъ провозглашенъ вѣчный покой австрійской ориентаціи, и арестъ въ

оккупированномъ Царствѣ Польскомъ вождя польскихъ легионовъ Пилсудскаго показывалъ, что народы предпочитаютъ связывать свою судьбу съ свободой Россіи, чѣмъ съ побѣдами Германіи.

Но вспышка быстро погасла. Наслѣдіе старой власти заключалось не только въ матеріальномъ разстройствѣ, но и въ истощеніи запаса духовныхъ силъ. Необходимость въ прежнее время бороться за азы современнаго конституціоннаго права лишила возможности поставить и подготовить новое, истинно-государственное, разрѣшеніе національныхъ проблемъ Россіи. Но естественная неумѣлость справиться съ трудностями организациі новой народной власти воспринималась, какъ злонамѣренное затягиваніе удовлетворенія насущныхъ національныхъ требованій, тѣмъ болѣе, что руководители національныхъ движеній, часто только что вышедшіе изъ подполья, отнюдь не превосходили русскихъ дѣятелей ни широтой государственнаго масштаба, ни, тѣмъ болѣе, опытностью въ государственномъ дѣлѣ.

Въ сущности, Временное Правительство дѣлало все доступное его силамъ. Оно возстановило конституцію въ Финляндіи, признало независимость Польши, установило автономію Эстоніи, ввело краевое управление для Закавказья, въ принципѣ согласилось на автономію для Украины и Латвіи. Но это уже не удовлетворяло. Неумѣренныя требованія неслись отовсюду, составляя одно изъ наиболѣе роковыхъ проявленій всеобщаго и всемѣстнаго максимализма. Малѣйшее разногласіе или замедленіе вызывало ожесточенныя нападки. И если солдаты требовали отъ власти, чтобы по телеграфу былъ заключенъ миръ, то также «по телеграфу», въ 24 часа, требовали введенія автономіи на Украинѣ и въ Бѣлоруссіи, учрежденія «Штата Эсти», признанія Латышской республики. Настойчивость требованій росла параллельно съ затрудненіями власти, съ разстройствомъ транспорта, гибелью промышленности, недостатками продовольствія. На